

Отзыв официального оппонента на диссертацию
Бугрова Константина Дмитриевича на тему
«Формирование идей республиканизма
в российской общественно-политической мысли XVIII в.»,
представленную на соискание ученой степени
доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Актуальность диссертации К. Д. Бугрова очевидна – изучение формирования идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII века предпринимается в таком объеме впервые и это сыграет свою роль для развития современной исторической науки. Эпоха реформ, длившаяся фактически весь XVIII век, носившая явный вестернизационный характер, включала разные аспекты переноса, освоения, приспособления российским обществом (как верхами, так и интеллектуалами) западных концепций и систем взглядов. Взять хотя бы идеи Просвещения, разрушившие «старый порядок» в Западной Европе, в России, же, их выборочное применение упрочило режим. Важно отметить, что идеи республиканизма, даже понимаемые автором в весьма ограниченном виде и до сих пор глубоко не освоены современным обществом как противоречащие основным отеческим политическим принципам и традициям. А уже это само по себе делает тему диссертации К.Д.Бугрова актуальной.

Нужно поддержать идею автора рассмотреть республиканизм в весьма специфическом ключе - не как систему взглядов или целостную идеологию, а как фигуру речи, как особую политическую риторику, корни которой уходят к Древней Греции и Древнему Риму, итальянским мыслителям Средних веков (особенно Макиавелли), английским революционерам XVII в. В этом мне видится умение автора поставить, точнее выявить, проблему для исследования. При иной интерпретации проблемы республиканизма для России написать подобное исследование было бы фактически невозможно. Республиканизм понимается автором именно как проблема распространения в обществе гражданских добродетелей. Подобно тому, как екатерининская эпоха снизила понятие

Просвещения до просвещения (с маленькой буквы), то бишь образования, такое «снижение» произошло и с идеями республиканизма, ставшими фигурой речи или политической конструкцией, и даже отчасти общественной этической нормой. С этой интерпретацией были согласны все, кто любил отечество и жил под сению самодержицы, называвшей себя «республиканкой», которая последовательно культивировала безобидные для самодержавия гражданские (и христианские) добродетели, отразившиеся в республиканизме той эпохи.

Работа построена вполне традиционно, по признанным для этого жанра канонам, состоит из введения, 6 глав и заключения, снабжена списком использованных источников и литературы, списком сокращений. Структура диссертации представляется логичной и обоснованной, отражает движение мысли автора в поиске особых черт республиканизма для России.

Во **введении** автор обосновывает актуальность работы, формулирует цель и задачи, определяет хронологические и территориальные рамки исследования. Здесь также приведены основные положения, выносимые соискателем на защиту и раскрывающие реализацию цели исследования, определяемой соискателем как «реконструкция процесса формирования республиканских идей в различных коммуникативных полях и дискурсивных практиках в России XVIII в.». Кажется важным стремление автора заранее определить свое понимание теории модернизации, вестернизации, различных терминов и понятий.

В первой главе **«Историография, методология и источники исследования»** изложены методы и научные подходы исследования, охарактеризована источниковая база, рассмотрена историография вопроса. Работа К. Д. Бугрова – сложное историческое произведение, оно основано на новейших достижениях отечественной и мировой историографии, оно вобрало в себя совокупность современных методов изучения интеллектуальной истории, в первую очередь, истории понятий – главного тренда современной историософской мысли, порой в корне меняющего представление о понимании тех или иных терминов и понятий, использованных в источниках. В этом смысле автор работает на равных с учеными европейской исторической науки. Особенно симпатична ему так

называемая «кембриджская школа», последовательным сторонником которой автор является и по этой причине не допускает ни малейшего сомнения в правоте выводов К.Скиннера и Д.Покока и, напротив, сомневается в достоинствах концепции их конкурента из Германии Р.Козеллека. Особенность привлекаемых автором источников (а именно их необыкновенная широта и многообразие) вынуждает его выйти за рамки традиционных методов работы историков, заставляет обращаться к разным направлениям исторического анализа, привлечь историю общественно-политической мысли, а также историю исторической мысли, историю и теорию литературы, и в особенности широко использовать концепцию жанров М. М. Бахтина, по мнению автора, не устаревшую и до сего дня. Как историку мне непросто принять главный тезис автора, который солидаризируется с Д.Пококом и др. относительно того, что мы имеем дело не с исторической действительностью в традиционном понимании, а с «культурным глоссарием», «манерами речи», «риторической манерой» (с. 4, 484). Но предпринятая автором попытка применения таких новых идей к вполне традиционному материалу, в широком методологическом подходе автора, ставящего своей конечной целью адекватное постижение прошлого, я вижу новаторство автора и оно целиком оправдано тем, что заявленные подходы приносят реальные результаты – вполне доказательные выводы при работе с конкретным историческим материалом. А он кажется безбрежным, поскольку источниковая база исследования весьма разнообразна и включает в себя произведения (как отечественные, так и зарубежные) самых различных форм и жанров: от проповедей до пьес, от указов до памфлетов. Автор учел также широкий круг зарубежных трактатов и памфлетов, изучение которых позволяет поместить довольно скромную интеллектуальную историю России XVIII века, насколько это возможно, в общеевропейский контекст. Естественно, что диссертант обращает внимание прежде всего на публикации XVIII в., имевшие огромное влияние на становление русской общественно-политической мысли. Но он также использует и ряд рукописных источников, имея ввиду их широкое хождение в обществе. Сочетание этих источников с западноевропейскими

позволяет охарактеризовать работу как комплексное исследование истории отечественной общественно-политической мысли XVIII в., впервые осуществляемое на столь значительной источниковой базе. А это придает диссертации К.Д.Бугрова важное теоретическое значение, позволит использовать применимые им приемы и методики последователями в науке.

Историографический очерк, представленный в первой главе, касается истории изучения развития российской общественно-политической мысли в XVIII веке, освещает проблему изучения истории государственного управления и эволюции представлений о власти, анализ функционирования политики как культурного поля и другие аспекты политической культуры и истории отечественной литературы. Особое внимание уделено вопросам изучения общеевропейской республиканской традиции, принципиально важных для реализации поставленной автором исследовательской цели. Этот анализ основан на учете множества различных исследований, знакомство с которыми приводит автора к определению важности своего особого места в понимании республиканизма для России, отличного от того понимания, что был принят в литературе вопроса, как в России, так и на Западе. Тем самым, данная работа довольно четко определяет свое место в историографии вопроса.

Последующие главы диссертации направлены на изучение проблем формирования идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в. Точнее сказать, вторая и третья главы (**«Провиденциальный монархизм в российской политической культуре XVIII в.»** **«Секулярный монархизм в российской политической культуре XVIII в.»**) доказывают – по мнению автора – что никаких надежд на обнаружение начал республиканизма, а заодно и конституционализма, в политической культуре XVIII века у читателя, в сущности, нет. Подробно разбирая произведения церковных проповедников и светских панегиристов, автор делает вывод, что все эти произведения, сформировавшие основу отечественной монархической мысли, не содержали хотя бы намек на республиканские начала, а те, где иной читатель усматривает хотя бы в чем-то проявление таких начал (идет ли речь о 1730 г. или о проектах

Панина) ,однозначно и последовательно разоблачаются автором как ложное понимание непрерывного и последовательного усиления монархизма, уснащавшего свою теорию все новыми и новыми, современными тогдашнему состоянию общественной науки, аргументами. К такому же выводу автор приходит в главе, посвященной анализу т.н. «секулярного монархизма». Поднимая проблемы изучения функционирования таких понятий, как «форма правления» и «закон» в сочинениях чиновников, писателей, прожектеров, автор и в «секулярном» разрезе изучения темы также не видит точек бифуркации, которые давали бы надежду на существование в природе русской общественной мысли начал республиканизма. Изучая разные формы российского конституционализма, сопоставляя их с идеями республиканизма, автор делает вывод, что процесс освоения республиканских идей в России был изначально чрезвычайно затруднен из-за однозначности всеобщих взглядов на природу и функции власти, которая трактуется исключительно с позиций доминирования монархических концепций власти.

Четвертая глава («Республиканизм и коррупция в общественно-политической мысли России XVIII в.») представляет собой оригинальное эссе, посвященное изучению широко распространенной в общественной мысли России (особенно у Хераскова, Панина, Щербатова) - на основе моралистического романа Ф.Фенелона – концепции «добродетели», включавшей острую критику роскоши и коррупции и в чем-то создающей впечатление о близости этой концепции к республиканской теории добродетели, восходящей к Макиавелли и Древнему Риму. Но и здесь, как в случае с обоснованием монархизма, республиканские идеи, по мнению К.Д.Бугрова, увяли на корню, не смогли развиваться, так как на данном этапе они противоречили главному тренду развития России, заданного петровскими реформами вестернизации. А это уже заведомо означало восторженную фиксацию и прославление развития промышленности и торговли новой России, производящей и торгующей предметами если не роскоши, то осуждаемого ригористами «нереспубликанского» комфорта. Так, и на этот раз – в экономическом разрезе -

достичь хотя бы скромных успехов в деле развития идей республиканизма, вроде бы и не связанных непосредственно с формами власти, России не удалось – культ демиурга новой России Петра I воспрепятствовал этому.

В пятой главе **«Республиканская добродетель в представлениях о социальной иерархии в России XVIII в.»** предпринята попытка проследить как в России воспринималась популярная в Европе идея гражданского равенства. Автор подробно анализирует функционалистский, эгалитарный, и социологический взгляд на проблему и в каждом таком взгляде обнаруживает общее, характерное для российской общественной мысли, а именно – представления республиканской концепции равенства однозначно толкуются в России, в отечественной общественно-политической мысли (в сопоставлении с их коренными антично-европейскими образцами) весьма своеобразно – эти толкования дают основания считать, что система крепостного права не имеет никакого отношения к идеям равенства-неравенства, а несовершенства и несправедливости этого строя обусловлены иными причинами. В итоге, как пишет автор, в России не произошло развития «глоссария гражданского равенства», а произошло формирование такого политического языка, который признавал свободу исключительно привилегией дворянства (С.406).

Шестая глава **«Римская образность, историзм и формирование республиканской перспективы в российской общественно-политической мысли XVIII в.»** все-таки убеждает читателя, что дело республиканизма не совсем пропало на отеческой земле и республиканские идеи выросли на ней хотя бы в тени художественного домысла. И хотя они не встретили восторга у государыни -«республиканки», которая сурово пеняла за их появление директору Академии наук княгине Дашковой, случайно пропустившей произведение Я.Княжнина «Вадим Новгородский», эти идеи оказались живучи в русской политической культуре, ибо - по мнению автора - они попали на животворную почву – в историческую литературу, которая, оглядываясь на «римскую образность» предприняла ревизию отечественной истории, традиционно и всецело занятой сплошным монархизмом и вдруг ... открывшей для себя и

общества «республиканскую историю» Великого Новгорода. Автор справедливо считает, что «республиканизм в России конца XVIII в. вдохновлялся не столько модернизационным импульсом, сколько ревизией национальной традиции, обнаружением “республиканского момента” в российской истории» (стр. 480). Автор считает взгляды Княжнина даже более радикальными (в смысле раскрытия основ республиканской политической этики), чем, например, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

В заключении автором подведены итоги исследования, предложена обобщающая характеристика полученных результатов и намечены перспективные пути их дальнейшего использования. Представляется, что поставленные автором в начале работы задачи успешно решены в ходе исследования.

Обобщения и выводы, сделанные соискателем, обладают научной ценностью, являются вкладом в развитие истории отечественной общественно-политической мысли. В содержательном отношении диссертация в полной мере соответствует научной специальности 07.00.02 – Отечественная история, отрасли наук «Исторические науки».

Вместе с тем, работа не без недостатков, на которые может быть автор и обратит внимание.

1. Мне кажется, что, сосредоточив внимание на двух главных коммуникационных сферах (придворной и публичной), автор совершенно оставил в стороне сферу маргинальную, народную. А она, между тем, в каких-то моментах имеет определенное созвучие с поднятыми автором вопросами презентации власти и отношения общества к монархическим идеям вообще. Огромный пласт материалов политического сыска мог бы внести существенные коррективы в возникшую в результате данного исследования победную картину почти повсеместного господства монархических идей в их самом верноподданическом духе. В отличие от вполне благополучных писателей прожектов и поэм, ограниченных цензурой и самоцензурой, «клиенты» сыска были носителями иных

политических глоссариев и совсем неизящных «манер речи», открывающих совсем иные представления о монархии и носителях верховной власти, особенно в эпоху «женского правления».

2. Спорным представляется однозначная трактовка автором событий 1730 года, как не имеющих отношения к ограничению императорской власти (с. 130). Как раз поиски компромисса между верховниками и дворянскими прожектерами свидетельствовали об устойчивой ограничительной тенденции.
3. Мне кажется любопытной мысль крупной американской исследовательницы Э.Виртшафтер о доминировании в русской политической культуре «моралистского монархизма», однако автору (без предварительного углубленного анализа сути этого определения) вряд ли стоило вводить его в выводы своей оригинальной диссертации (с. 485), тем более, что использование этого термина ничего не добавляет в понимание затронутых автором проблем.
4. Мелкие замечания: Э.Зитцер - не европейский, а американский историк; переворот Елизаветы относится все-таки не к 1740, а к 1741 году.

Высказанные в моем отзыве замечания не меняют общей положительной оценки диссертации К. Д. Бугрова, являющейся самостоятельным и новаторским исследованием по актуальной тематике, опирающимся на репрезентативную источниковую базу и современные научные методы анализа. Автореферат диссертации точно отражает содержание работы. По теме диссертации автором выполнено более 30 публикаций, включая 24 статьи в научных журналах, входящих в перечень ВАК (в том числе – в научных изданиях, которые индексируются в международных базах данных Scopus и Web of Science) и две научные монографии. Важнейшие положения данной диссертации были неоднократно представлены автором на международных конференциях и научных конгрессах по отечественной истории, причем не только в России, но и за рубежом. Многолетняя работа по теме данной диссертации поддерживалась

многочисленными грантовыми программами Правительства Российской Федерации, РФФИ и РГНФ / РФФИ. Кроме того, соискатель был в 2016 г. удостоен премии Губернатора Свердловской области за лучшую работу в области гуманитарных наук.

Диссертация Бугрова Константина Дмитриевича соответствует требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

Анисимов Евгений Викторович,

доктор исторических наук, профессор,

научный руководитель департамента истории

Санкт-Петербургского филиала ФГАОУ ВО

«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (198099. Россия. Санкт-Петербург, ул.

Промышленная. Д. 17, каб. 108. Тел. 89

; E-mail: hse@hse.ru

28.03 _____ 2018 года

Подпись руки Анисимова Е.В. удостоверяю.

Начальник отдела кадров

